

Н.Г. Долинина

5. И снится чудный сон Татьяне...

«Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю», — пишет Пушкин в одном из примечаний к «Евгению Онегину». В романе нет ни одной даты, но, если внимательно читать его, можно точно установить, когда происходят события. Онегин уехал в деревню к дяде в то самое время, когда Пушкина выслали из Петербурга. Помните:

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.
Отец его тогда скончался.
...
Вдруг получил он в самом деле
От управителя доклад,
Что дядя при смерти в постеле...

Пушкин был выслан на юг весной 1820 года. Онегин уехал из Петербурга тогда же. До этого «убил он восемь лет» в свете — значит, появился в обществе примерно в конце 1812 года. Сколько лет могло быть Онегину в это время? В пушкинских черновиках сохранилось прямое указание на этот счет: Онегин «шестнадцати не больше лет» появился в свете. Значит, Онегин родился в 1796 году, он старше Пушкина на три года. Встреча с Татьяной, знакомство с Ленским происходят весной и летом 1820 года — Онегину уже 24 года, он не мальчик, а взрослый мужчина, особенно по сравнению с восемнадцатилетним Ленским. Неудивительно потому, что он относится к Ленскому чуть покровительственно, по-взрослому смотрит на его «юный жар и юный бред».

Но ведь дело не только в возрасте. Пушкин, как мы уже видели, моложе Онегина на три года, а он мудрее, мировоззрение его более глубоко, более зрело. Легкое же отношение к жизни всегда в конце концов обходится дорого: и Онегину, и Ленскому — обоим предстоит расплата за свое не серьезное и не мудрое восприятие жизни. В пятой главе завязывается, возникает тот трагический конфликт, который приведет друзей к расплате. Один заплатит за свою наивную восторженность жизнью; другой — за свой эгоизм, за неумение думать о других людях — муками совести, горьким раскаянием, одиночеством, крушением всех надежд. Трагические события надвигаются — их неизбежность станет очевидной во время бала, на именинах Татьяны. Поэтому и глава была названа в пушкинском плане «Именины». Читатель еще не предвидит трагедии, но автор знает, что ждет героев впереди, — и с первых же строк пятой главы, таких спокойных, описательных, уточняет время, когда происходят события, — зима 1821 года.

Описание этой зимы совпадает со свидетельствами современников Пушкина:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь.

Такая бесснежная зима, конечно, многим запомнилась — это было именно в 1821 году. Сам Пушкин ведь не был в это время в Михайловском и знал о поздней зиме по рассказам няни и соседей, может быть, барышень из Тригорского, в одной из которых современники видели черты Татьяны.

Картина зимы, когда «крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь», «бегает дворовый мальчик, себя в коня преобразив, в салазки *жучку* посадив» — эта картина,

с такими зорко увиденными деталями, нравится нам с детства. И трудно себе представить, почему Пушкин оговаривается:

Но, может быть, такого рода
Картины вас не привлекут:
Все это низкая природа;
Изящного не много тут.

Литература до Пушкина не признавала описания таких «низких» предметов, как дровни, лошадка, кибитка, тулуп, пальчик дворового мальчишки... Пушкина обвиняли в грубости, в интересе к низменным предметам, упрекали за то, что он вводит в поэзию очень уж прозаические, житейские слова и понятия. А он видел прекрасное в самой жизни: в тулупе, в кибитке, в дворовом мальчике — и еще с мягким юмором поддразнивал своих литературных противников:

Согретый вдохновенья богом,
Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег
И все оттенки зимних нег;
Он вас пленит, я в том уверен...

Речь идет о друге Пушкина поэте Вяземском — его стихотворение «Первый снег» прекрасно, но оно написано до Пушкина и так, как после Пушкина уже нельзя было писать:

Здесь снег, как легкий пух, повис на ели гибкой;
Там, темный изумруд посыпав серебром,
На мрачной он сосне разрисовал узоры...

слишком возвышенно, слишком красиво. Пушкин уважает, ценит и Вяземского, и «певца финляндки молодой» Баратынского, о котором он уже упоминал в третьей главе, — но, ценя и уважая друзей-поэтов, он не может и не хочет идти их путем. Путь у него — свой. И героиня — своя, не похожая ни на одну из литературных героинь, именно потому, что она — из жизни, что таких девушек, как Татьяна, Пушкин видел, знал, пытался понять их.

Татьяна (русская душою,
Сама не зная почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму...

Татьяна верила преданьям
Простонародной старины...
...
Ее тревожили приметы...

Так какая же она была, Татьяна Ларина? С одной стороны, очень близкая нам, совсем похожая на современных девушек, любящих книги и природу, склонных, не очень афишируя это, и мечтать, и ждать «милого героя». С другой стороны, верила приметам, бледнела, увидев молодую луну слева, а не справа; боялась встретить монаха; трепетала, когда заяц перебежал ей дорогу...

Вот такая она и была, очень противоречивая, очень разная. Ведь характер ее складывался под разными влияниями: то, что дали ей книги, рассказы няни, одинокие прогулки, сформировало ее мечтательность, гибкий ум, тонкие чувства, смелость в человеческих отношениях. Но, с другой стороны, нянины сказки и старинные обычаи, жившие в доме, воспитали в ней и суеверие, и страх перед потусторонними силами. Да и романтические книги, переполненные разными ужасами, тоже оставили свой след в душе Татьяны: как же не трепетать перед черным монахом!

Настали святки. То-то радость!
Гадает ветренная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль

Лежит светла, необозрима;
Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потеряв невозвратимо;
И все равно: надежда им
Лжет детским лепетом своим.

Удивительное это свойство человеческого характера: очень хочется, очень надо непременно заглянуть в будущее, узнать, что будет завтра, и через год, и через десять лет. Но это невозможно и, пожалуй, хорошо, что невозможно. Разумом мы все это понимаем, а все-таки... все-таки очень хочется знать, что будет впереди! Потому-то так устойчивы всяческие гадания: на картах, на книгах, на лепестках ромашки.

Народные гаданья привлекали людей самого разного возраста еще и своей красотой, поэтичностью. Ведь сбывалось, по преданью, не всякое предсказание, а полученное в определенные дни, особенно на святках — зимних праздничных днях от рождества (25 декабря по старому стилю) до крещенья (6 января).

В темную зимнюю ночь гадать было страшно и в то же время очень заманчиво. Собрались девушки, растопили воск и льют его в холодную воду. Воск застывает, превращаясь в причудливые фигуры — что они предсказывают? Одной — явно жениха, вон какой красавец, с усами, в шляпе; а другая — ужас какой! — видит не то лешего, не то домового, с хвостом, с рогами... Девушки бросают воск и начинают гадать по-другому: опускают в воду свои колечки, накрывают блюдо с водой платком, а сами садятся вокруг и поют песни, вынимая кольца из воды. Под какую песню вынется колечко — то и сбудется. Татьяне не повезло:

И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
*«Там мужички-то всё богаты,
Гребут лопатой серебро;
Кому поем, тому добро
И слава!»* Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей кошурка сердцу дев.

Почему же песня о богатстве «сулит утраты»? Оказывается, дело не в содержании песни, а в тех приметах, которые с нею связаны. Песня про кота и кошурку предвещает свадьбу, а про богатых мужиков — смерть, горе. Нужно было знать массу примет и условий, чтобы гадать по кольцам, опущенным в воду. Зато вот простое гаданье: выйти крещенским вечером на улицу, наставить зеркальце на небо — что увидишь, то и сбудется. Или — еще проще: выбежать за ворота и спросить имя у первого прохожего. Какое имя он назовет — так и зовут суженого.

Татьяне не повезло: в зеркальце она увидела только луну, а прохожего спросила:

Как ваше имя? Смотрит он
И отвечает: Агафон.

И тогда Татьяна решается на последнее средство: гадать в пустой, заброшенной бане. Сесть одной за стол, накрытый двумя приборами, и ждать... Ровно в полночь за вторым прибором появится суженый.

Но стало страшно вдруг Татьяне...
И я — при мысли о Светлане
Мне стало страшно — так и быть...
С Татьяной нам не ворожить.

Светлана — героиня баллады Жуковского. Она вот так же гадала ночью одна, к ней явился долгожданный жених, но — о ужас! — он оказался мертвецом, выходцем из могилы. Правда, в конце баллады выясняется, что все эти ужасы Светлана увидела во сне,

что на самом деле жених ее жив, здоров и идет к крыльцу, навстречу невесте. Жуковский сочувствует своей героине:

О, не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана!

Эти строчки Пушкин делает эпиграфом к пятой главе — конечно, не случайно. Главное место в этой главе занимает сон Татьяны — вещий сон, который скоро сбудется.

И снится чудный сон Татьяне.
Ей снится, будто бы она
Идет по снеговой поляне,
Печальной мглой окружена;
В сугробах снежных перед нею
Шумит, клубит волной своею
Кипучий, темный и седой
Поток, не скованный зимой;
Две жердочки, склеены льдиной,
Дрожащий, гибельный мосток,
Положены через поток...

Природа в сне Татьяны живая, земная, ничуть не сказочная: печальная зимняя ночь, бегущий ручей, хрупкий мостик из обледенелых жердочек... Каждый, кто бродил по ночному зимнему лесу, знает, как правдиво этот лес описан:

...недвижны сосны
В своей нахмуренной красе;
Отягчены их ветви все
Клоками снега; сквозь вершины
Осин, берез и лип нагих
Сияет луч светил ночных...

И ведет себя Татьяна в этом лесу вполне естественно, не как сказочная героиня, а как земная, реальная девушка, — она боится:

Снег рыхлый по колени ей;
То длинный сук ее за шею
Зацепит вдруг, то из ушей
Златые серьги вырвет силой;
То в хрупком снеге с ножки милой
Увязнет мокрый башмачок;
То выронит она платок...

Конечно, страшно одной ночью в темном лесу — темном, но, право же, вовсе не сказочном. В самом обыкновенном лесу с Татьяной происходят удивительные приключения.

Ей встречается не какой-нибудь другой зверь, а самый что ни на есть главный герой русских сказок — медведь, Мишка, Михаил Иванович или Потапович. Он-то и приводит ее к таинственному шалашу, где «ярко светится окошко». Тут уж начинаются чудеса:

...за столом
Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой...
... Вот мельница в присядку пляшет
И крыльями трещит и машет:
Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская моль и конский топ!

Мы знаем, что Татьяна с детства любила «страшные рассказы зимою, в темноте ночей», — в ее сне оживают чудовища из народных сказок, но среди этих чудовищ оказывается Онегин, и он властвует над всеми, «он там хозяин, это ясно...» В сне отражаются мечты Татьяны, ее надежды, ее любовь: Онегин спасает ее, он нежен и ласков с нею —

такой сон понятен, объясним: ведь именно этого ждала девушка от гаданий, именно это хотела увидеть — любовь Онегина. Но в конце сна появляются Ольга и Ленский, возникает ссора...

Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг
Повержен Ленский...

Как могла Татьяна предугадать случайную, нелепую ссору между друзьями, которая возникнет через несколько дней? Об этом у нас пойдет речь впереди. А пока вернемся к испуганной Татьяне. Где искать ей объяснение своему сну? Кругом люди еще более суеверные, чем она сама. Разве что Онегин мог бы развеять ее грустные предчувствия, посмеяться над сном, а может, и задуматься над ним, и остановиться на своем страшном пути к гибели Ленского; но как же может Татьяна рассказать свой сон Онегину после его отповеди? А остальные — мать, сестра, няня — что им рассказывать, разве они поймут? Только начнутся ахи да охи, расспросы, догадки... Вот и остается один советчик —

... Мартын Задека,
Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.

Каких только книг не покупали легковверные читатели того времени! Ведь выбора не было — что привезут в имение, то и покупай. Так и Татьяне досталась гадательная книга:

Сие глубокое творенье
Завез кочующий купец
Однажды к ним в уединенье
И для Татьяны наконец
Его с разрозненной *Мальвиной*
Он уступил за три с полтиной...

Над Татьяной и ее сном Пушкин не смеется. Слишком многое в этом сне трагично, слишком многое связано с жизнью, окружающей бедную девушку. Но над «глубоким твореньем» Мартына Задеки Пушкин прямо-таки издевается:

Татьяна в оглавление кратком
Находит азбучным порядком
Слова: бор, буря, ведьма, ель,
Еж, мрак, мосток, медведь, метель
И прочая. Ее сомнений
Мартын Задека не решит...

Хорошо Ольге: она живет, «как ландыш потаенный, незнаемый в траве глухой ни мотыльками, ни пчелой». Ей ничто страшное не снится, потому что она ни о чем серьезном, ни о чем трагическом никогда не задумывается. Хорошо Ольге... А так ли уж хорошо? Это ведь один из главных вопросов, которые задают себе люди во все времена: кому лучше жить — тому, кто не задумывается, дни его текут легко и однообразно, или тому, кто думает, страдает, радуется полной мерой?

Кто счастливее — Гамлет или могильщик? Этот вопрос, казалось бы, никакого отношения не имеющий к «Евгению Онегину», обсуждался в одном девятом классе два урока подряд. Гамлет измучен мыслями и сомнениями, он задает себе бесконечные вопросы, ни на один из которых не может дать прямого и окончательного ответа, страдает и терзается, ничего не может для себя решить твердо и до конца... И вот в одну из самых страшных минут его жизни — на кладбище, у могилы Офелии, — он встречает могильщика. Тот прожил жизнь не задумываясь: копал могилы, нисколько не интересуясь, какие люди, страсти, мечты, идеи будут в них похоронены; для него в жизни все ясно, все просто, и череп королевского шута Йорика, валяющийся на кладбище, для него просто ненужная кость; а для Гамлета — напоминание о величайшей беде человечества: смертности всех людей — даже самых умных, добрых, благородных...

Кому же лучше — Гамлету или могильщику? Ответ на этот вопрос каждый выбирает для себя сам. Можно выбрать путь могильщика, можно — Гамлета. Первому, безусловно, легче, спокойнее, проще жить. Но счастливее ли? Жизнь второго полна страданий, но и радости его глубже, острее; да и в самом страдании его есть радость — оно дает познание мира, то самое познание, которое недоступно могильщику.

Конечно, нелепо сравнивать Татьяну с Гамлетом — что может быть общего у наивной провинциальной девушки, выросшей в русской деревне XIX века, с титаническим характером эпохи Возрождения, с философом и мучеником — принцем Датским! А вот Пушкина и Шекспира можно сравнивать, можно ставить рядом — оба они задавали человечеству вопросы, мучающие нас до сих пор, — вопросы, на которые мы должны непременно ответить своей жизнью: будем мы мыслить или только существовать?

В свое время, в своей деревне, среди своего окружения Татьяна бессознательно, но твердо выбирает путь трудный, мучительный, но богатый, а Ольга — легкий, радостный... и нищий. Каждому свое.

События в романе развиваются — приближается самый острый момент развития сюжета, кульминация. Наступает утро 12 января по старому стилю — именины Татьяны. Пушкин начинает описывать этот день легко, весело, пародируя известную в его время всем оду Ломоносова «На день восшествия на престол Елизаветы Петровны» 1746 года:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою...

В молодости Пушкин подражал поэтам-классицистам, вполне серьезно писал, например, в «Кавказском пленнике»:

Заря на знойный небосклон
За днями новы дни возводит...

Теперь он не просто отказался от подражания классицизму, но и смеется над ним:

Но вот багряною рукою
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин.

В этом пародийном четверостишии, слово «веселый» звучит насмешливо, тем более, что мы знаем: Татьяне вовсе не весело; Онегин тоже, скрепя сердце, согласился поехать на праздник — кто же будет здесь веселиться?

С утра дом Лариных гостями
Весь полон; целыми семьями
Соседи съехались в возках,
В кибитках, в бричках и в санях.
В передней толкотня, тревога;
В гостиной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмоканье девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилиц крик и плач детей.

Прочтем еще раз повнимательней эти строки. Что-то они нам напоминают — что именно? Да мы же только недавно читали:

Лай, хохот, пенье, свист и хлоп	Лай мосек, чмоканье девиц,
Людская мольва и конский топ...	Шум, хохот, давка у порога.

Если сравнить эти строки из сна Татьяны и из описания собравшихся на бал соседей, сразу становится яснее, кто именно снился Татьяне и почему среди чудищ оказался Онегин. Тупые, ничтожные соседи Лариных только внешне походили на людей, а на

самом деле вот они какие: «один в рогах с собачьей мордой, другой с петушьей головой... вот череп на гусиной шее вертится в красном колпаке...»

Татьяна видела во сне не сказку, не просто ужасы, рожденные фантазией. Ее тонкий, хотя и суеверный ум не мог не оценить по заслугам окружающих жалких людей; она не смогла бы объяснить, конечно, почему ей кажется неизбежной ссора Онегина с Ленским, но ведь эта ссора и на самом деле была неизбежна: слишком холоден и себялюбив был Онегин, слишком наивен Ленский... Ничего таинственного, необъяснимого нет, оказывается, в сне Татьяны: просто любящее сердце помогло ей понять и предугадать приближение несчастья...

А чудовища из сна — вот они, наяву. И неизвестно еще, где они страшнее:

С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков...

Всего две строчки сказаны о Пустяковых, а больше ничего и не нужно: супруга дородная, сам толстый, а фамилия чего стоит: Пу-стя-ков...

Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков...

Первое, что приходит на память, — строчка Грибоедова: «Сам толст — его артисты тощи». Здесь тот же ненавистный и Пушкину, и Грибоедову тип: «хозяин превосходный» в отличие, например, от Чацкого, который именем управляет «оплошно», мужиков не мучает. Нет, хозяин превосходный — тот, у кого мужики нищие. Фамилия объясняет, как он управляет своими мужиками: Гвоздин — от выразительного глагола гвоздить.

Но этого мало. Среди гостей Лариных

Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов...

Старый знакомый! Еще полвека назад Фонвизин в мечтах своих отнял имение у его сестрицы, Простаковой, да и самому Скотинину пришлось с опаской убраться восвояси, но ничего дурного с ним не приключилось: жив, здоров, обзавелся женой, многочисленными чадами, и действительно в его деревнях лучше живется свиньям, чем людям.

А вот и молодежь:

Уездный франтик Петушков,
Мой брат двоюродный, Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком)...

«Уездный франтик Петушков» — три слова, больше ничего не сказано. Но мы зрительно ощущаем этого пустопорожнего шалопая, с петушиным хохолком, в пестром одеянии, с дурным французским выговором и без единой мысли в голове. Буянов — герой поэмы Василия Львовича Пушкина «Опасный сосед». Поэтому наш Пушкин и называет его двоюродным братом, раз он — создание дяди. Но самая страшная фигура завершает галерею:

И отставной советник Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут.

Слова падают, как ядра: обжора, взяточник и шут! Грубые слова с грубыми звуками: бж, р, вз... и, наконец, короткое, как удар: шут! Флянов снова воскрешает в памяти знакомые лица: Фамусова с его важными заботами: «ешь три часа — а в три дни не сварится», «она не родила, но по расчету, по моему, должна родить...»; его обожаемого дядю Максима Петровича, умевшего «подслужиться» перед царицей, а для низших — «тупеем не кивнуть». Конечно, и Флянов — взяточник для маленьких людей, шут — для знатных.

Такой разнообразной компании не хватает, разумеется, и своего иностранца — вот он, тут как тут, «мосье Трике, остряк, недавно из Тамбова, в очках и в рыжем парике». Да еще с переделанной на подходящий к случаю лад модной песенкой в кармане! Поневоле посочувствуешь Онегину, не желавшему принимать участия в этом сборище!

Современные Пушкину читатели возмутились тем, что крестьянскую девушку он назвал девой («в избушке, распевая, дева прядет...»), а дворянских барышень — девчонками («Какая радость: будет бал! Девчонки прыгают заране...»). Пушкин знал, что им будут недовольны и читатели, и критики, когда писал эти строки, но все равно написал их. Он не боялся никаких нападков и умел стоять на своем.

Здесь, в пятой главе, Пушкин в первый и единственный раз на протяжении романа употребляет глагол «кушать», получивший в наше время широкое распространение.

Какая радость: будет бал!
Девчонки прыгают заране;
Но кушать подали. Четой
Идут за стол рука с рукой...

В наше время слово «кушать» стало вытеснять слово «есть» — и напрасно. Это влияние мещанского представления, что «есть» — грубо, некрасиво, а кушать — «культурно». Совсем как гоголевские дамы, которые вместо «я высморкалась» говорили изящно: «я облегчила свой нос посредством платка». Во время Пушкина «кушать» было лакейское слово, его произносили слуги, приглашая к столу: «Кушать подано», подчеркивая этим словом свою приниженность и благоговение перед господами. Вот и здесь в повествование автора как будто врывается голос лакея: «Но кушать подали...» У нас слуг нет, господ тоже, нам незачем стыдиться нормального русского слова «есть» и заменять его жеманным «кушать» — ведь смешно и нелепо, когда взрослый дядя говорит о себе: «Я сегодня покушал...» Можно еще понять хозяйку, которая, угощая гостей, скажет: «Кушайте, пожалуйста», но применять это слово к себе не нужно ни в коем случае.

А в имении Лариных обед между тем в разгаре:

На миг умолкли разговоры;
Уста жуют...
...
Но вскоре гости понемногу
Подъемят общую тревогу.
Никто не слушает, кричат,
Смеются, спорят и пищат.

Как мог чувствовать себя Онегин, попав на этот «пир огромный»? Мы еще во второй главе видели его отношение к соседям: он мчался из своего поместья куда глаза глядят, «лишь только вдоль большой дороги слышит их домашни дроги». А здесь, у Лариных, все общество в сборе, несмотря на уверения Ленского, что никого не будет, только «своя семья»... Онегин раздражен, а тут еще Татьяна бледнеет и краснеет, чуть не плачет, чуть не падает в обморок — это совсем уж выводит Евгения из себя.

Недовольство и раздражение Онегина понятны. Странно другое: рассердившись на Татьяну за «траги-нервические явления», Евгений тут же пожалел ее: «Он молча поклонился ей, но как-то взор его очей был чудно нежен...» Сложно это — движения человеческой души. Единственный человек, вызывающий у Онегина добрые чувства, — Татьяна. Он ощущает ее прелесть, его привлекает эта не похожая на обычных барышень девушка, но он сам себя отталкивает, запирается в крепости своего неверия, холодности, равнодушия...

На одну только минуту Онегин позволил себе быть искренним, отдаться чувству, но он уже недоволен собой, растет его раздражение. Пир между тем подходит к концу, гости начинают развлекаться, кто как может:

Довольный праздничным обедом,
Сосед сопит перед соседом;
Подсели дамы к камельку;
Девицы шепчут в уголку;
Столы зеленые раскрыты...

Подобные развлечения надоели Онегину еще в Петербурге, а здесь и подавно. Гнев его снова обращается на Ленского:

К минуте мщенья приближаясь,
Онегин, втайне усмехаясь,
Подходит к Ольге. Быстро с ней
Вертится около гостей...

...

Все в изумленье. Ленский сам
Не верит собственным глазам.

Что, собственно, произошло? Человек пригласил на вальс невесту друга — ни по каким светским канонам это не запрещено. Но здесь, в деревне, где так мало пищи для сплетен, это вызвало бурю пересудов... и раззадорило Онегина. Увидев, что его месть удалась, Онегин не остановился, как следовало бы, а продолжал развлекаться:

... Онегин с Ольгою пошел,
Ведет ее, скользя небрежно,
И наклонясь ей шепчет нежно
Какой-то пошлый мадригал,
И руку жмет — и запыхал
В ее лице самолюбивом
Румянец ярче. Ленский мой
Все видел: вспыхнул, сам не свой...

Хороша же Ольга! Уж ей-то, кажется, следовало бы знать любимого человека, понимать его состояние, бояться огорчить его. Ничуть не бывало! Она ведь любит Ленского потому, что никого другого нет под рукой, а вот подвернулся Онегин — и нисколько она не думает о своем возлюбленном, веселится, наслаждается успехом, пересудами соседей...

Так из мелких, необдуманных, эгоистических поступков Онегина и Ольги складывается трагедия. Далеко не всегда большие беды и большие радости происходят от крупных, значительных причин. Очень часто совсем мелкие, незаметные людские поступки приводят к огромным результатам — плохим и хорошим. Мы так часто забываем об этом, так часто не ведаем, что творим, а потом, когда опомнимся, поймем — уже поздно, уже принесли непоправимую беду другим или себе!

Разве может смеющаяся Ольга представить себе, что вот сейчас, принимая приглашение Онегина на последний танец — котильон, она приближает трагическую развязку, что, может, из-за этого котильона Ленский через день будет убит? И Онегин, конечно же, не думает о тех последствиях, к которым приведет его «мщение». А между тем события развиваются, и направляет их не судьба, а сами люди.

Наивный, восторженный, ничего в жизни не понимающий Ленский уничтожен, разбит, раздавлен изменой друга и невесты. Изменой! Иначе он не может назвать то, что происходит. Ведь его представление о жизни прямолинейно и кристально: «Он верил, что друзья готовы за честь его принять оковы», что возлюбленная глаз с него не будет сводить до могилы... Первое же столкновение его розовых мечтаний с жизнью разрушает весь его внутренний мир, красивый и хрупкий.

Прав Ленский или неправ, когда так резко осуждает Ольгу:

Возможно ль? Чуть лишь из пеленок,
Кокетка, ветреный ребенок!
Уж хитрость ведает она,
Уж изменять научена!

Ведь Ольга не хитрит, она как раз совершенно естественна: ей весело с Онегиным, она и веселится, ни о чем не думая, и вовсе не воспринимает это как измену.

Ленский обвиняет Ольгу не в том, в чем она действительно виновата. Все гораздо проще, чем видится Ленскому, и в то же время сложнее. Не происходит никаких громадных событий: измен, трагедий. События совсем незначительные: маленькое предательство, очень маленькое, и заключается оно не в том, что Ольга разлюбила Ленского и полюбила Онегина. Она просто не думает о Ленском, только и всего. Ленскому этого не понять; в романтическом мире бедного поэта нет серой краски, есть только розовая и черная. Для Ленского теперь наступила черная ночь. Все рухнуло...

...Пистолетов пара,
Две пули — больше ничего —
Вдруг разрешат судьбу его.

Так кончается пятая глава. Мир мечты приходит в соприкосновение с миром реальности — и разрушается. Это трагично, но неизбежно — поэтому, жалея Ленского, Пушкин даже и здесь все еще чуть-чуть подсмеивается над ним: «две пули — больше ничего»; а что такое, собственно, случилось? Ведь можно еще повернуть вспять, ведь завтра все забудут о событиях на бале, все пойдет по-старому — так думают и Онегин и Ольга... Но так не может думать Ленский, а до его смятения, страданий, горести никому нет дела.

На всем протяжении пятой главы сам Пушкин только раз предстал перед читателем — во время бала, чтобы напомнить о лирическом отступлении из первой главы, о «ножках... знакомых дам» и заявить:

С изменой юности моей
Пора мне сделаться умней,
В делах и слоге поправляться
И эту пятую тетрадь
От отступлений очищать.

В последних четырех главах действительно меньше отступлений, чем в первых четырех. Но Пушкин вовсе не собирается отказываться от них совсем. В пятой главе ему хотелось быть незримым — мы и не видели его, но чувствовали все время, что он рядом: любили его любовью, ненавидели его ненавистью, а ему этого и надо было.